

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *В. Гуркова*

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Трон Императора / Александр Мазин. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Викинг).

ISBN 978-5-04-104464-0

Шестнадцать лет прошло с момента восхождения Фаргала на трон Карнагрии. Император сильной и справедливой рукой правит страной, не ожидая никаких потрясений и сюрпризов. Но появление в столице юноши — воспитанника самерийских горцев — становится сигналом к началу выполнения плана таинственного мага, слуги змеебога Аша. И вот, отправившись в поход против взбунтовавшейся провинции, Фаргал исчезает, а на его месте появляется двойник...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104464-0

© Мазин А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВЕЛИКОНДАР -
СТОЛИЦА КАРНАГРИИ



ГЛАВА 1

Мощенная квадратными плитами дорога, огибавшая площадь, называлась Белой, поскольку соединяла Царские ворота и дворец Царя царей, Императора Карнагрии. В эти ранние часы дорога, в общем-то, отвечала своему названию благодаря трудам городских метельщиков. Но первые навозные плюхи уже «украсили» ее, а к полудню проходим придется очень внимательно глядеть под ноги, чтобы не соскрести потом липкое и вонючее с подошв.

Час был ранний, однако торговля уже началась, и мальчишки-зазывалы вопили во всю мочь отдохнувших за ночь глоток.

Но это на рынке. У домиков же, выстроившихся вдоль Белой дороги, в это время суток было далеко не так оживленно, как в более темные часы. То, чем здесь торговали, ночью пользовалось большим спросом, и здешние зазывалы к утру притомились. Тем не менее трех воинов в красных доспехах и таких же красных плащах, гордо шествовавших по самой середине улицы, пытались остановить трижды на протяжении всего пятидесяти шагов. Щедрость и любвеобильность лучших солдат Карнагрии, Гвардии Императора, Алых, равнялись их воинской доблести. Но воины только отшучивались. Они уже избавились от избытка семени и искали других развлечений.

И нашли.

На деревянной лесенке, ведущей к занавешенным красно-черной тканью дверям, на корточках сидел самериец.



Трое Алых, как по команде, замедлили шаг и переглянулись. Из-за плеча чужеземца торчала рукоять меча. Заманчиво!

— Эй, брат, — громко сказал один солдат другому. — Что там делает эта грязная обезьяна?

— Я думаю, обезьяна гадит! — отозвался второй.

И испустил соответствующий звук.

— А почему она не сняла штаны? — поинтересовался первый.

— Потому что это самерийская обезьяна! — подчеркнуто серьезным тоном ответил второй. — У них там ходят голышом. Она привыкла.

— Да нет! — вмешался третий. — Она просто засмотрелась на ту ослицу. Знаешь, у самерийцев слабость к ослицам. Засмотрелась и забыла снять штаны.

Трое остановились напротив лесенки.

Мишень их шуток, самериец, даже не шелохнулся. Его широкое, с темной, морщинистой кожей лицо не выражало никаких эмоций. Как будто он не понимал карнитского диалекта.

Алых это еще больше раззадорило.

— А почему она не кланяется нам? — спросил третий. — Почему вонючая самерийская жаба не выказывает нижайшее почтение?

— Пожалуй, придется отрезать жабе косу, — заявил второй. — Как думаете, братья, сгодится этот хвост для метлы моему рабу?

— Вряд ли, — ухмыльнулся первый. — Слишком грязный.

Пара мальчишек-зазывал из домов развлечений уже приплясывала вокруг, предвкушая зрелище. Остановились и несколько человек из покупателей, направлявшихся на рынок. Похоже, будет потеха!

Возможно, знай Алые, что перед ними не просто уроженец Самери, а самерийский *горец*, они отнеслись бы к чужаку с большим уважением. А может, и нет. Здесь, в Карнагрии, мало что знали о Самери.



— Может, он сдох? — выдвинул предположение первый солдат. — Гляньте, братья, даже не сморгнет!

Городской стражник остановился в десяти шагах. Но и не подумал вмешаться. Будь это сок, фетс или эгерини — может, и вступился бы. Хотя... Защищать чужеземца от гвардейцев Императора? Ищите дурака!

— Я знаю, как проверить, сдох он или нет! — заявил второй.

Он порылся в поясном кармане и выудил медную монету.

— Вот, — показал он друзьям. — Медь! Любимый металл самерийцев!

— Почему? — спросил первый.

— Потому что лбы у них медные.

— Точно?

— Клянусь целкой его бабушки. Сейчас услышите!

И запустил медяком в лоб самерийцу.

Но его ждало разочарование. Чужеземец с необычайной ловкостью перехватил монету и метнул обратно. Медяк угодил в лоб Алого, пониже края шлема, и до крови ссадил кожу.

Вид у опешившего воина был такой, что один из мальчишек-зазывал хихикнул. Но — в кулак. Не дай Ашшур попасть под руку рассердившемуся Алому!

А воин действительно рассердился. И схватился за меч. Шутки кончились.

Самериец как ни в чем не бывало сидел на корточках. Трудно было оценить его стать в таком положении. Хотя по морщинам и серой от седины косе видно было, что не молод.

Алый, держа руку на оголовье меча, подступил к лешенке.

— Поднимайся, макака! — потребовал он. — Поднимайся, и я выпущу дерьмо из твоих кишок!

Самериец бесстрастно смотрел в пространство. Он выполнил поручение Старших, и теперь только Честь и Судьба были властны над ним. Жизнь или смерть — какая разница?



— Побрей ему башку, брат, — предложил первый солдат. — Срежь его грязный хвост, подаришь его золотарям!

Тот, кому рассадили лоб, вытянул из ножен меч.

— Верно, — сказал он. — Раз ты, обезьяна, не желаешь драться, я побрею твою медную башку, а меч подарю какой-нибудь здешней девке. Ей он будет в самый раз!

— Да, да, — поддержали в толпе зевак. — Побрей обезьяну, Алый!

Солдат шагнул на лесенку... и вдруг кубарем, перевернувшись через голову, откатился назад.

Никто из зевак ничего не понял. Нужно быть воином, чтобы успеть увидеть происшедшее. Однако все увидели, что чужеземец уже на ногах и двумя руками, не по-здешнему, держит перед собой меч.

Алый не пострадал. Он успел уйти от молниеносного выпада, хотя и не лучшим образом. Два его товарища тут же выступили вперед, прикрывая. Но самериец не спешил добить обидчика. Он медленно, ставя ноги носками наружу, спустился по лесенке, низкорослый, широкоплечий. Самериец был настолько не похож на обитателей Великондара, что даже не казался зевакам человеком.

Но Алые — по одному выпад — уже оценили его: высший ранг. Теперь воины знали: перед ними — настоящий боец. А значит, развлечение будет на славу. Алые не сомневались в своей победе. Пусть на них был легкий доспех, а не боевой, но на самерийце и того не было. Кроме того, трое превосходных воинов — против одного. Какие могут быть сомнения?

И все же шутить они перестали. Воин без нужды не оскорбляет воина.

Двое Алых разошлись в стороны, охватывая самерийца полукольцом. Тот словно бы и не заметил, что его окружают. Чужеземец направлялся к тому, кто первым задел его. Двигался он молча, неторопливо, немолодой мужчина в простой одежде и сером дорожном плаще, наброшенном на плечи, с толстой косой, свернутой на затылке в тяжелый узел. Меч он держал — как дровосек держит топор. Но обмануть Алых его мнимое неумение уже не могло.



Двое закончили обход и оказались у самерийца за спиной. И тотчас все трое, без предупреждения, со слаженностью опытных бойцов, кинулись на противника.

Те, что оказались сзади, разом вонзили мечи в серую ткань плаща... и поразили только шерстяную пыльную тряпку.

Плащ слетел с плеч самерийца, а сам он подпрыгнул, занес меч над головой третьего. Тот вскинул собственный клинок... и самериец ударил его ногами в грудь. Сверху вниз, как бьет хищная птица.

Алый отлетел назад и опрокинулся навзничь. Тонкая кираса прогнулась, но смягчила удар... только для упавшего это уже не имело значения. Прямой меч самерийца клюнул его под подбородок.

Двум Алым потребовалось мгновение, чтобы стряхнуть с клинков шерстяную тряпку. И еще мгновение — чтобы осознать: их товарищ мертв!

Самериец ждал, выставив перед собой оружие. Кончик клинка его покраснел, но лицо по-прежнему не выражало ни гнева, ни воодушевления.

Зато лица Алых исказила ярость. Разом они набросились на врага. Толпа отхлынула в стороны, освобождая место. Кому хочется угодить под случайный удар?

Зрелище было потрясающее. Пара Алых металась вокруг самерийца, подобно языкам пламени вокруг древесного ствола. Но чужеземец не дрогнул. Меч его с невероятной быстротой мелькал в воздухе, перелетал из одной руки в другую, отражал удары с боков, сзади с такой легкостью, словно под узлом косы у самерийца был еще один глаз. Но Алых было двое, и они были не менее искусны. Никто из зрителей не сомневался, что через минуту-другую пляска смерти закончится гибелью чужака. Потому-то все ахнули, когда один из Алых осел на мостовую, прижимая руку к вспоротому снизу животу.

Последний Алый на мгновение замер. Он изучал противника, выжидал, хотя знакомый запах крови, вывороченных внутренностей, собственного едкого пота возбуждал, подстегивал: сражайся, бей, убивай!



Левая рука самерийца висела плетью. Кровь пропитала рукав и капала с пальцев. Это была самая тяжелая из его ран. Алый чувствовал себя намного лучше, получив лишь пару царапин. Он мог бы предоставить самерийцу возможность атаковать первым, мог выждать, тянуть время, пока противник истечет кровью... Но он все же напал.

Длинный узкий меч вспыхнул на солнце — самериец подставил клинок, но Алый держал рукоять двумя руками, потому его оружие лишь проскрежетало по самерийской стали и со всего маху упало вниз. Могучий удар пришелся на ногу самерийца чуть ниже колена. Клинок прошел наискось, разрубил мышцы, кость, сухожилия и, зазвенев, выбил искры из дорожной плиты.

Толпа ахнула. И ахнула еще раз. Потому что самериец, которому меч Алого напрочь отсек ногу, — стоял. Стоял, хотя кровь из обрубка хлестала ручьем. А карнагриец, соперник его, ткнулся лицом в кровавую лужу.

Десять ударов сердца простоял чужеземец. И только тогда пал рядом с поверженным врагом. На широком темном лице навечно застыла счастливая улыбка.

Городской стражник, вспомнив о своих обязанностях, рысцой подбежал к Алому, перевернул его. Голова воина запрокинулась, и стражник увидел пузырящуюся кровь и разрубленную пополам трахею. Этот солдат отвоевал свое.

Выхватив из петли на поясе бронзовую дудку, стражник загудел изо всех сил, призывая подмогу.

И, словно по его зову, из-за желтого здания Торгового Двора вылетел отряд всадников. Причем той же императорской Гвардии, к которой принадлежали убитые.

Предводитель резко осадил коня. Через головы зевак он увидел лежащие на мостовой тела в красных доспехах. И жирные пятна крови вокруг.

Предводитель свистнул. Алые обнажили оружие. Толпа прынула в стороны, освобождая проход.

Прямо перед командиром оказался перепуганный стражник и четыре мертвых тела. Вернее, три мертвых



и один — живой. Тот, кому самериец вспорол живот, еще цеплялся за жизнь.

— Кто? — страшным голосом произнес предводитель, нависая над стражником.

Тот дрожащей рукой показал на самерийца.

— Один?

— Один.

Зубы стражника лязгнули.

Предводитель резко выпрямился, повернулся к своим и дал знак: мечи в ножны. Затем взглянул на солнце, определяя время, и нахмурился.

Раненный в живот замычал, привлекая его внимание.

Предводитель мельком взглянул на него, кивнул одному из всадников. Тот спешил и точным ударом в горло добил несчастного.

— Тела убрать! — отрывисто бросил командир городскому стражнику. — Тела убрать, кровь засыпать песком. Царь царей скоро проедет этой дорогой.

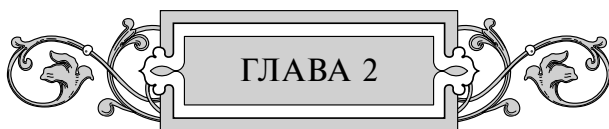
— Да, господин. — Стражник поклонился. — Позволь спросить: куда их? Во дворец?

— Трупы? Да. наших — к казармам, этого — в Великон. Крокодилам.

И, хлестнув коня, умчался вперед. Отряд последовал за ним.

Спустя полчаса, когда царская кавалькада достигла рыночной площади, на Белой дороге уже не было ничего, что могло бы омрачить взор Царя царей Фаргала. Так что Владыка Карнагрии так и не узнал о том, что какой-то чужеземец убил трех его гвардейцев. И не коснулся нити своей будущей Судьбы...

А еще через полчаса, когда Император Карнагрии, в сопровождении придворных и стражи, давно уже миновал городские ворота, из домика, на ступенях которого сидел самериец, вышел худой светловолосый юноша лет пятнадцати. И очень удивился, не обнаружив у входа широколицего воина в сером дорожном плаще.



ГЛАВА 2

Звонкий «металлический» лай гончих все нарастал, пока наконец свора не выгнала зверя из леса на открытое место: длинное, уходящее к реке возделанное поле.

Жертва, великолепный бык черной лесной антилопы, запрокинув бородастую морду, скакал на вид неуклюже, но быстро. Явно было, что он успевает к реке прежде собак.

Разодетые в шелка придворные нетерпеливо поглядывали на своего царя. Но тот молча, с непроницаемым лицом, взирал на уходящего быка.

Фаргал, владыка сильнейшей из Четырех Империй, взявший престол Карнагрии не по праву крови, а по праву меча, ждал. Он полагал, что и антилопе следует дать шанс на спасение. И только тогда, когда, по его мнению, у быка появилась надежда уйти, царь ударил лошадь острыми каблуками сапог. Рыжая кобыла кинулась в галоп.

Тотчас псари спустили борзых, и следом, с криками и улюлюканьем, помчались благородные охотники, отставая от дюжины белых, как горный снег, узкобоких собак. И — от Фаргала. Айпегская, морем привезенная в Карнагрию из-за Ашских гор кобыла прытью не уступала борзым.

Бык не сразу заметил новых преследователей. Только когда между ним и бесшумно летящими борзыми осталось шагов двести.

Удивительно, но он сумел прибавить еще, должно быть, близость спасительной реки придала ему силы. Он бежал теперь с той же скоростью, что и псы. Однако медленнее Фаргала. Припав лицом к рыжей гриве лошади, царь под-



нял копьё, готовясь к броску. Ветер трепал его длинные черные волосы. Ноздри хищно изогнутого носа расширились.

Задранный кверху хвост самца антилопы мотался из стороны в сторону. Царь скакал уже по следу быка, по черным лункам, оставленным острыми копытами. Борзые, рассыпавшись веером, стелились над зеленью поля, отстав лишь на дюжину прыжков.

До берега Великона оставалось не больше четверти мили. Если бык успеет прыгнуть в воду (и не станет добычей крокодилов), он — спасен. Луков и арбалетов у охотников не было: не добыча важна — погоня!

Фаргал крепко стиснул коленями бока лошади и, откинувшись назад, занес для броска короткое охотничье копьё...

И вдруг рыжая гривастая шея резко нырнула вниз. Удар подбросил Фаргала вверх, царь почувствовал, что летит, а потом земля внезапно возникла совсем рядом, древко с хрустом переломилось, царь ударился плечом, дважды перекувырнулся через голову, услышал странный треск и лишь мигом позже ощутил острую боль в бедре. Оглушенный, плохо соображающий Фаргал приподнялся и устался на обломок копьё, глубоко вонзившийся в его правую ногу повыше колена.

Белая стремительная борзая пронеслась мимо, не обратив внимания на упавшего человека. Из груди ее вместе с дыханием вырывался высокий стонущий звук.

С момента падения прошло лишь несколько мгновений.

Мир вокруг Фаргала перестал наконец вращаться, царь обернулся и увидел свою лошадь. Она уже поднялась на ноги и как ни в чем не бывало потрусилась за собаками.

Фаргал взялся двумя руками за обломок копьё и рывком выдернул его из раны. По опыту царь знал: сейчас не так больно, как будет часом позже. Зажав рану ладонью, царь проводил взглядом охотников. С визгом и криками они пронеслись мимо, плюща копытами лошадей нежные побеги ячменя. Азарт погони и дух соперничества были для